

КОНЦЕПЦИИ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 821.161.1-1(Блок А. А.). ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,4.
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.3

ОЧЕРК А. А. БЛОКА «ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ» В ВОСПРИЯТИИ КРИТИКИ 1920-Х ГОДОВ

Колесникова Е. И.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

SPIN-код: 4408-7508

А н н о т а ц и я . В статье предметом рассмотрения являются рецензии и отзывы 1920-х годов на журнальный очерк А. А. Блока «Последние дни старого режима» и его расширенный вариант «Последние дни императорской власти», опубликованный отдельной книгой в издательстве «Алконост» в 1921 году. С использованием историко-литературного, сопоставительного, биографического методов исследования определяется значение ранних рецензий в оценке публицистическо-документального произведения поэта. Многие из рассматриваемых рецензий упоминаются или частично цитируются исследователями. Однако целостного осмысления отзывов 1920-х гг. не проводилось. Выделяются художественная и фактографическая характеристики. Высказывается предположение, что рецензия С. Штрайха, вышедшая при жизни Блока на первый вариант очерка, могла быть отрефлексирована Блоком и повлиять на его последующее редактирование. Подчеркивается, что мнения критиков разошлись в оценке как художественных достоинств, так и исторической точности очерка. М. Пришвин не обнаружил эстетической ценности, а В. Н. Сторожев, Г. Лелевич, А. Ф. Романов отказали произведению Блока в исторической значимости. Основные претензии сводились к отсутствию указаний на источники приводимых документов. В статье дается объяснение некоторых причин, по которым автор не мог привести точные сведения. Ряд претензий снимается за счет привлечения в качестве доказательств рукописных материалов из архива Пушкинского Дома. Например, упрек в поспешности и небрежности написания текста оказывается несправедливым после знакомства с черновиками очерка, испещренными множеством поправок и уточнений на полях, вставок, зачеркиваний. Указания на отсутствие сведений о точном местонахождении публикуемых документов объясняются условиями работы Блока в Чрезвычайной следственной комиссии. Новизна статьи обусловлена использованием рукописных материалов, ряд из которых приводится впервые. Делается вывод, что ценность ранних рецензий состоит не только в представлении публицистического произведения Блока широкому читателю, но и в тех аналитических наблюдениях, которые обозначили этап в творчестве поэта, связанный с зарождением нового художественно-документального жанра. Высказывается предположение, что лексическая стихия пореволюционного времени и опыт работы с документами повлияли на стиль очерка 1920 г. «Ответ на вопрос о красной печати», предвосхитивший сатирические произведения середины – второй половины 1920-х гг. Это подтверждают наблюдения критиков Штрайха и Сторожева, отметивших с противоположных точек зрения новые содержательно-стилистические черты блоковского письма.

К л ю ч е в ы е с л о в а : очерк; рецензии; документ; художественно-документальный жанр; рукопись

Д л я ц и т и р о в а н и я : Колесникова, Е. И. Очерк А. А. Блока «Последние дни императорской власти» в восприятии критики 1920-х годов / Е. И. Колесникова. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 3. – С. 8–23.

THE ESSAY BY A. A. BLOK "THE LAST DAYS OF IMPERIAL POWER" AS PERCEIVED BY THE LITERARY CRITICISM OF THE 1920S

Elena I. Kolesnikova

Institute of Russian Literature (Pushkinskiy Dom) RAS (Saint Petersburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4441-565X>

Abstract. The article deals with the 1920s reviews and critical assessments of the journal essay by A. A. Blok "The Last Days of the Old Regime" and its expanded version "The Last Days of Imperial Power," published as a separate book in the publishing house "Alkonost" in 1921. Using the historico-literary, comparative, and biographical methods of research, the author analyzes the importance of the early reviews in assessing the journalistic-documentary work of the poet. Many of the reviews in question are mentioned or partially cited by researchers. But there has not been any holistic understanding of the reviews of the 1920s. The study identifies artistic and factographic characteristics. An idea is suggested that the review of S. Streich, published during the life of Blok in the first version of the essay, could be reflected by Blok and might affect his subsequent editing. It is emphasized that critics' assessments diverged both in evaluating the artistic merits and the historical accuracy of the essay. M. Prishvin did not find any aesthetic value, and V. N. Storozhev, G. Lelevich, A.F. Romanov denied this work of Blok historical significance. The main claims boiled down to the absence of document citations. The article explains some of the reasons why the author could not provide accurate data. A number of claims are removed by attracting handwritten materials from the archive of the Pushkin House as evidence. For example, a reproach in the haste and carelessness of writing the text turns out to be unfair after getting acquainted with the drafts of the essay, marked by many amendments and refinements in the margins, inserts, and strikethrough marks. Indications of the absence of information on the exact location of the published documents are explained by the conditions of Blok's work in the Emergency Investigation Commission. The novelty of the article is due to the use of handwritten materials, a number of which are presented for the first time. It is concluded that the value of early reviews lies not only in the presentation of Blok's journalistic work to the general public, but also in those analytical observations that marked the stage in the poet's work associated with the emergence of a new documentary-fiction (docufiction) genre. It is suggested that the lexical element of the post-revolutionary time and the experience of working with documents influenced the style of the 1920 essay "The Answer to the Question of the Red Press," which anticipated the satirical works of the mid-second half of the 1920s. This confirms the observations of the critics Streich and Storozhev, who noted new semantico-stylistic features of Blok's writing from opposite points of view.

Key words: essay; reviews; document; docufiction genre; manuscript

For citation: Kolesnikova, E. I. (2023). The Essay by A. A. Blok "The Last Days of Imperial Power" as Perceived by the Literary Criticism of the 1920s. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 3, pp. 8–23.

Известно, что после революции Александр Блок вынужден был зарабатывать на жизнь государственной службой. Результатом одного из таких этапов – службы в составе Чрезвычайной Следственной комиссии (далее – ЧСК) с 8 мая 1917 по январь 1918 года – стал очерк «Последние дни императорской власти». На него отозвались несколько историков и литераторов, рецензии которых рассматриваются в данной статье. В основном их оценки справедливы и сейчас, но некоторые замечания позволяют снять или дать на них ответы знакомство с рукописями очерка, а также историческими фактами, публикация которых в 1921 году оказалась политически неприемлемой.

Замысел произведения был продиктован заданием комиссии, исследовательская деятельность которой должна была завер-

шиться докладом будущему Учредительному Собранию. План официального отчета был составлен профессором истории, членом ЧСК Е. В. Тарле (1874–1927). Седьмой раздел этого плана назывался «Последние дни старого режима». Блок выполнил порученное, но Учредительное Собрание было разогнано, к власти пришли большевики, и блоковская часть отчета, а также черновики будущего очерка в 1918 году были переданы в архив Пушкинского Дома.

Под заглавием, предложенным Тарле, в 1920 году в журнале «Былое» Блоком был опубликован первый вариант очерка. Выход журнала задержался на год, иначе очерк вышел бы в 1919 году. 5 октября 1920 года на эту публикацию под псевдонимом «С. Я.» появилась положительная рецензия публициста, сотрудника энциклопедии Брок-

гауза и Ефрона Соломона Яковлевича Штрайха (1881–1957) в ежедневной газете «Жизнь искусства». [Штрайх 1920]. Очерк в ней назван «большим и содержательным», высоко оценивалось мастерство работы с документами: «Умело использовать такой глубоко драматический материал как документы о конвульсиях издыхающего царизма и его многообразных проявлениях – не всякому под силу» [Штрайх 1920]. Отдается дань Блоку как историку, не поддавшемуся соблазну придать материалу столь заманчивую художественную форму.

Рецензия Штрайха была написана быстро, но обстоятельно, что не случайно: это объяснялось совпадением идейных взглядов авторов, а также глубоким знакомством рецензента с материалом. Примечательно, что еще до выхода очерка Блока Штрайх в 1917 году опубликовал брошюру «Последние дни Николая II. Официальные документы. Рассказы очевидцев» (подписана псевдонимом – С. Яковлев) [Штрайх 1917], содержание которой во многом близко произведению поэта. Также совпадают заглавия, как лексически, так и структурно, вплоть до подзаголовка в книжном варианте. Рецензент посчитал важным отметить, что Блок «во вступительных же страницах к очерку... дал яркую характеристику самого Николая II за последние годы его царствования, а также всех великих ничтожеств, окружавших царя в это время» [Штрайх 1920]. Тем самым Штрайх воспроизвел пафос собственного очерка, где он сходным образом характеризует монарха. Главными разрушителями государственного устройства оба автора – Блок и Штрайх – представили царскую чету и ее приближенных, среди которых особую роль играл Григорий Распутин (1869–1916). В 1922 г. критик Иван Книжник (1878–1965) в журнале «Красная летопись» упрекнет поэта за подобный «кулуарный» подход в оценке революции: «Поэт А. А. Блок не мог не смотреть на падение самодержавия, прежде всего, как на личную драму царской семьи, и драматический момент в книжке преобладает, оставляя в тени массовое движение пролетариата» [Книжник 1922].

Блок, действительно, при характеристике революции не отводил советам рабочих и солдатских депутатов решающей роли, мало того, он не раз процитировал в

очерке документы о том, что монархия разрушилась сверху. Но одновременно с этим поэт пытался воссоздать объемную картину, приводя сводки о проблемах с продовольствием в Петрограде, выступлениях солдат, их столкновениях с полицией и пр.; свидетельствовал о том, что даже в верхах понимали кризисность сложившейся общественной ситуации. Например, перед письмом великого князя, помещенным в приложении к книжному изданию очерка, Блоком сделана и потом зачеркнута приписка: «В обширном письме Александра Михайловича от 25 октября – 4 февраля указано, что политика царя идет вразрез с желанием народа, что нужно дать свободу общественным силам и выбрать министров, которым страна поверит, и что существующее правительство само подготавливает революцию»¹. Блоковская фраза комментирует фрагмент письма великого князя Александра Михайловича, где говорилось: «Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу» [Блок 1921: 121].

Необходимо еще раз отметить, что очерк Блока – это переработанная 7-я глава отчета Учредительному Собранию о расследовании деятельности верховной власти. То есть Блок сообщает в своей книге наблюдения и выводы прежде всего о роли в событиях 1917 г. монархической системы, о чем свидетельствуют заглавия обоих вариантов очерка. Дать обобщающую социально-политическую картину причин революции поэт не брался. Поэтому упреки в узости зрения Блока на причины революции не совсем справедливы, хотя ведущей роли пролетариата он, действительно, не видел и не отмечал.

Актуальным для первых пореволюционных лет является замечание Штрайха, что очерк написан «очень просто и общедоступно» [Штрайх 1920]. Критик осознавал, что доступность стиля была требованием времени: новая власть была ориентирована на просвещенческий проект, и язык сознательно использовался как социальный инструмент. Публицисты стремились донести информацию о происшедших событиях до широкой аудитории. Так, например, В. Г. Короленко специально для малограмот-

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. Хр. № 212. Л. 123.

ной публики написал текст «Падение царской власти (Речь простым людям о событиях в России)» [Короленко 1917].

Рецензия Штрайха стала первой, велика вероятность того, что Блок мог ее прочитать, и гипотетически она могла быть им отрефлексирована. Это предположение усиливает факт участия Блока и Штрайха в одних и тех же номерах «Жизни искусства», о чем можно судить, например, по анонсу одного из выпусков: «Ближайшее участие в газете принимают: ... А. А. Блок, ... С. Я Штрайх...» [«Жизнь искусства» 1919]. Так или иначе пожелание рецензента очерк «издать... отдельной книжкой» [Штрайх 1920] было реализовано. Кроме того, Блок мог обратить внимание в рецензии на словосочетание «императорская власть» («прекрасный очерк событий, вызвавших крушение императорской власти» [Штрайх 1920]), которое вскоре войдет в заглавие второго варианта очерка. Разумеется, использование словосочетания «императорская власть» могло происходить независимо от текста рецензии, оно было достаточно частотным в лексическом диапазоне эпохи, но вероятность того, что фраза повлияла на новый вариант заглавия, не исключена. Все остальные рецензии Блок увидеть не успел.

Положительный отзыв как о художественных достоинствах работы Блока, так и ее исторической ценности дал безымянный автор (обозначивший себя как «Н. Н.») в эмигрантском издании «Историк и современник. Историко-литературный сборник» [Н. Н. 1922]. Им рецензируется первый вариант очерка «Последние дни старого режима», перепечатанный из журнала «Былое» многотомным «Архивом русской революции» [Блок 1922], издаваемым в Берлине И. В. Гессеном (1866–1943). Открывается рецензия оценочной фразой, характерной для свидетеля описываемых событий: «Снова замелькали перед нами знакомые фигуры всех этих Вырубовых, Распутиных, Бадмаевых, Штурмеров, Воейковых, Протопоповых и прочих злых гениев России, которые тесным кольцом окружали трехсотлетний, последнее время шатающийся трон и вместе с ним погибли» [Н. Н. 1922: 314]. Работа Блока характеризуется как «беспристрастное исследование», представляющее собой «почти протокольное, сухое, ... перечисле-

ние известных фактов в их хронологической последовательности» [Н. Н. 1922: 314]. То есть положительно оценивается историческая часть очерка. Отмечаются также художественно ценные «меткие и правильные характеристики некоторых деятелей последних дней старого режима» [Н. Н. 1922: 315]. Ссылаясь на то, что поэт писал очерк в рамках отчета ЧСК, рецензент полагает, что «всем фактам, с которыми нас знакомит покойный поэт, мы обязаны верить, и само исследование имеет не только литературный, но и исторический интерес» [Н. Н. 1922: 314]. Автор подробно пересказывает основное содержание очерка, часто смещая фокус повествования с анализа блоковского текста на собственную оценку событий и отдельных деятелей.

Сразу же после выхода очерка в журнале «Былое» Блок прямо на его листах стал перерабатывать текст в книжный вариант. Эти листы с рукописными пометами Блока хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома¹. На первом из них велась правка заглавия: поверх названия «Последние дни старого режима» было вписано и зачеркнуто «Последние дни императорского режима», затем: «Последние дни императорской власти» и тоже зачеркнуто. Судя по тому, что на этом листе нет чистовой записи заглавия, его формулировка до конца оставалась для автора под вопросом. Правка журнального текста была минимальной, в основном шли уточнения: например, после цитаты о Вырубовой «фонограф его слов и внушений» было вписано: «Слова Протопопова»². То есть в ряде исправлений Блок двигался в сторону фактографической точности. Также новый текст обретал большую художественную выразительность, дополняясь эпитетами: слово «ненависть» усиливалось прилагательным «непреходящая»³, «поклонение» – прилагательным «истерическое»⁴ и пр.

Но при незначительности стилистической правки на этих листах были сделаны концептуальные дополнения – введена в текст телеграмма кавалерийского генерала Ф. А. Келлера (1857–1918) и шесть приложе-

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 212. Лл. 122–145.

² Там же. Л. 122, об.

³ Там же.

⁴ Там же.

ний, которые критик И. Книжник назвал «ценными», указав на то, что они печатаются впервые [Книжник 1922].

В 1921 г. очерк с приложениями вышел отдельной книгой в издательстве «Алконост» под названием «Последние дни императорской власти». В подзаголовке значилось: «По неизданным документам составил Александр Блок» [Блок 1921]. Произведение увидело свет незадолго до смерти поэта. Основатель издательства «Алконост» С. М. Алянский вспоминал, как уже тяжело больной Блок неоднократно интересовался у него продвижением книги [Алянский 1967: 204]. «Наконец я принес Блоку долгожданные гранки его книги “Последние дни императорской власти”. Он обрадовался, просил оставить их, обещая прочитать в два-три дня. Блок точно выполнил обещание: через два дня он вернул мне, как всегда, тщательно исправленную корректуру» [Алянский 1967: 204].

На книгу появилось сразу несколько отзывов. Оценки рецензентов разошлись. В отличие от рецензии Штрайха, они не были однозначными. Сыграл роль фокус восприятия: кто-то оценивал очерк как художественно-публицистический труд, кто-то – как исторический. Так, поэт (член ВАПП) и критик Г. Лелевич (1901–1937), так же как и Штрайх, отметил художественные достоинства: «Хроника эта написана чрезвычайно живо и увлекательно и иллюстрирована рядом интересных документов» [Лелевич 1922], чем зафиксировал новую жанровую черту блоковского письма. Рецензент, однако посчитал, что литературные достоинства умаляют документально-исследовательскую значимость блоковского текста, и усомнился в его исторической ценности, заявив, что в «рецензируемой книжке Блок открывает перед нами свое новое лицо, – лицо историка. Явление в истории литературы не новое. <...> Но с большинством поэтов, бравшихся за перо историка, случался один грех: в их исторических работах сторона описательная, психологическая и этическая преобладала», а потому работу Блока он не может считать «научным исследованием, вскрывающим причины разложения царизма и дающим полную картину этого процесса» [Лелевич 1922].

М. М. Пришвин, напротив, никаких

эстетических достоинств не обнаружил, подчеркнув отсутствие в очерке художественного начала и преобладание фактографичности: «В этой небольшой книге, по-видимому, нет ничего блоковского, и только опытный читатель узнает в нем поэта в изысканной отчетливости выступающих фактов» [Пришвин 1922: 177]. И отнес ее к разряду исторических текстов: «Конечно, его книга будет иметь значение фактического памятника, но, вероятно, скоро утонет среди множества подобных специальных работ» [Пришвин 1922: 177].

Тем не менее Пришвин, при общей сдержанности оценки, постарался разглядеть в книге нечто уникальное, выделяющее из потока подобных исторических работ, отдавая дань громкому имени поэта: «Правда, у настоящего поэта (если уж он возьмется за это) факт бывает фактичнее, чем у людей, живущих в мире обыкновенного здравого смысла. <...> Но едва ли в какой-либо книге факт будет окружен обаянием своей фактичности – так много, отчетливо он выступает у Блока. Почему так? А потому, что это книга все-таки вытекает из Блока, и если мы видим в ней аршин, то этот аршин – не “свой аршин” (всякий меряет на свой аршин), а тот особенный, святой, которым мерил и Леонардо свои фигуры» [Пришвин 1922: 177–178]. Писатель задал оптику восприятия очерка с точки зрения его новизны: отсутствие «блоковского» можно расценить как отсутствие *прежнего* «блоковского» и наличие чего-то принципиально *нового*. Этот выход Блока в новое эстетическое пространство ощущался многими рецензентами. И, несмотря на разные подходы и оценки, всеми чувствовалось соседство особой беллетристической и одновременно документальной стихии в сочетании с революционным новозом [Н. Н. 1922: 314].

В разделе «Отзывы о книгах» журнала «Печать и революция» профессор истории В. Н. Сторожев, некоторое время имевший доступ к архиву царской семьи [см.: Додонов 2007], а потому близко знакомый с документами эпохи, дал наиболее развернутую оценку произведению Блока, рассмотрев подробно каждый его раздел. Рецензент, усомнившийся как в художественной, так и исторической ценности очерка, посчитал, что «книжку» Блока «нельзя рас-

смагивать серьезно», назвав ее «занятым материалом для чтения, в которой «имеются некоторые детали для характеристик, но характеристики лиц или целого эпизода нет» [Сторожев 1922: 243].

Эти замечания противоречили процитированному выше мнению Лелевича, а также Штрайха, написавшего: «А. А. Блок счастливо избег одной из самых больших опасностей для историка такой богатой событиями эпохи – он сумел сжать свой очерк и выбрал почти одно только типичное для характеристики отжившего строя, отверг все анекдотическое, все пестро глумящее, все бульварно-манящее» [Штрайх 1920]. Сходным оказалось мнение безымянного рецензента Н. Н., сообщающего, что рассказ о «злых гениях» написан «не ординарным кропателем сенсационных бульварных романов, целиком рассчитывающим только на «улицу», а известным ... поэтом Ал. Блоком...» [Н. Н. 1922: 314].

В то же время, несмотря на полярные суждения, рецензенты сошлись в одной точке – уловили важный беллетристический потенциал очерка. Даже отрицая его, они постоянно обращали внимание на фон распространяющегося массового искусства. Собранные во время работы в ЧСК свидетельства и характеристики, действительно, изобиловали авантурными эпизодами и описаниями трикстерских характеров персонажей: всей стране был известен «Распутин, обладавший конторой “для обдельвания дел”» [Блок 1921: 9], «упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко и который некогда учился у магнетизера» [Блок 1921: 9–10]; не сходила со страниц таблоидов фамилия Протопопова, состоящего в переписке с Ш. Перреном, подозреваемым в шпионаже в пользу Германии; вызывал множество домыслов доктор П. А. Бадмаев (1851–1920), «умный и хитрый азиат... который занимался, кроме тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами – дружил с Распутиными с Курловым, некогда сыгравшим роль в убийстве Столыпина» [Блок 1921: 12]; поражал изворотливой предприимчивостью аферист «Манасевич-Мануйлов – ловкий и умный журналист» [Блок 1921: 12]; удивлял ловкостью «князь Андронников, вертевшийся в придворных и правительственных кругах,

подносивший иконы министрам, цветы и конфеты их женам» [Блок 1921: 12]; прославился сомнительными сделками «ловкий коммерсант», комендант Зимнего дворца Воейков и пр.

Блок одним из первых метким словом отреагировал как на абсурдность обстановки и странность поведения лиц, принадлежащих к высшему кругу, так и на мощный медийный поток критики и разоблачений. Чуть позднее волна сатирического авантюрного письма, насыщенного новым лексиконом, заполнит литературно-медийное пространство. Например, уловив авантюрно-конспирологическую сюжетность материала, П. Е. Щеголев, редактор журнала «Былое», где был опубликован очерк «Последние дни старого режима», а впоследствии автор семитомного собрания протоколов [Падение царского режима 1924–1927], по их мотивам и распространенным слухам совместно с А. Толстым создал пьесу «Заговор императрицы» (1925). Подобная авантюрно-сатирическая проблематика станет популярной во второй половине 1920-х гг.

Рецензенты 1920-х гг. еще не сформулировали, но подошли близко к характеристике новых жанрово-стилистических признаков творчества Блока, которые стали откликом на сложившуюся медиасреду и формирование нового речевого стандарта советского общества. Этот путь поэта был органическим. Д. М. Магомедова в комментарии к статье Блока «Стихия и культура» отметила, что еще с 1908 г. газетные штампы стали проникать в художественный язык Блока [Магомедова 2010]. В пореволюционную эпоху эта плотность увеличилась: риторический дискурс эпохи был насыщен лозунгами, рекламными слоганами, газетными и канцелярскими штампами, а также заговорившей улицей. В 1917 г. Блок скажет: «Открыл газеты («Новую жизнь» прежде всего), – они жгутся (полиция или милиция, цели войны, Донецкий бассейн, речь Керенского...)» [Блок 1965: 329]. Среди блоковских материалов в Пушкинском Доме хранятся вырезки из газет за 1917 год: «Знамя труда», «Красная газета», «Народоправство», «Речь», «Российский гражданин», «Русская Воля», журнала «Красный милиционер и культура» и др. Поэт одним из первых ошутил зарождающийся

мейнстрим, безошибочно уловил происходящие изменения языкового пространства, построенного на газетных речевых моделях. Об этом вскоре заговорят газеты: в 1923 г. развернется громкое обсуждение газетного языка как нового культурного явления. В 1925 г. В. Иванов и В. Шкловский напишут: «Легенды теперь делаются газетами» [Иванов 1925: 34]. Б. Эйхенбаум обозначит современную природу творчества: «Литература сейчас ведет бродячий образ жизни. ... Она в фельетоне, очерке, юмореске, в мемуаре, в биографии, в анекдоте, в письме, наконец. Настоящий писатель сейчас – ремесленник. Литературу надо заново найти – путь к ней лежит через области промежуточных и прикладных форм, не по большой дороге, а по тропинкам» [Эйхенбаум 2001: 122]. Чуть позднее появятся научные исследования. Например, лингвисты провели огромную научную работу по исследованию современного им состояния языка, кардинально меняющегося в связи с историческими событиями. Работами А. М. Селищева, А. Мезона, А. Г. Горнфельда и др. была создана платформа для развития социолингвистики [Селищев 1928; Мазон 1920; Горнфельд 1922]. Стало очевидно, что язык как символический капитал социального доминирования претерпевал трансформацию вслед за изменением социального устройства. В результате этого стало возможным использование просторечно-канцелярского стиля в литературном произведении.

Поэт наблюдал эти тектонические сдвиги на практике: с начала Первой мировой войны находящийся на службе, он был вынужден поддерживать документооборот; работая в ЧСК, он редактировал протоколы допросов, готовил главу отчета, куда включал как выдержки из протоколов, так и цитаты из деловой переписки. В очерке «Последние дни императорской власти» встречаем множество статистических выкладок, цифровых шифров, номеров телеграмм и аббревиатур. Например, читаем: «Запасы города и уполномоченного достигали 500 000 пудов ржаной и пшеничной муки, чего, при желательном отпуске в 40 000 пудов, хватало бы дней на 10–12... В городе бастовало уже от 158 000 до 197 000 рабочих» [Блок 1921: 51]. «Хабалов послал в Ставку Наштаверху секретную шифрован-

ную телеграмму (№ 2813-486)» [Блок 1921: 87–88]. Употребленные в очерке канцеляризм и аббревиатуры стилистически мотивированно включены в текст, задавая определенный ритм повествованию и органично отражая содержание. Блок обладал тонким слухом к происходящим изменениям и предвосхитил стиль М. Зощенко и А. Платонова, предсказал героев И. Ильфа и Е. Петрова. Например, в набросках фельетона «Ответ на вопрос о красной печати» 1920 г. [Литературное наследство 1993] поэт утрированно обыгрывает канцеляризм и газетные штампы, используя новые языковые явления как сатирический прием: «Через 3/4 часа она подняла светлое, измученное лицо и ответила просто, что мне следует обратиться в комнату № 598. <...> Дойдя до этой комнаты, я уже не застал там никого, так как все ответственные работники радостно стали в очередь для получения 3/4 седелки и 1/8 ф-сунта» чечевицы <...> ...на сопроводительном бланке “Авторева” за № 753414513 1/4, с коим я был отправлен в огород С.Р.Ф.С.Р.» [Литературное наследство 1993: 15–16].

Д. Е. Максимов выдвинул справедливое предположение, что, останься Блок жив, он бы начал писать прозу с неожиданными художественными решениями [Максимов 1981: 280]. О грядущем изменении стиля высказывался также К. И. Чуковский еще 7 декабря 1919: «Чем больше я наблюдаю Блока, тем яснее мне становится, что к 50 годам он бросит стихи и будет писать что-то публицистико-художественно-пророческое (в духе “Дневника писателя”）」 [Литературное наследство 1981: 251]. Заслужой же рецензентов, – Пришвина, Сторожева, Штрайха, Лелевича, Н. Н. – стала фиксация этого нового эстетического этапа блоковской прозы, до настоящего времени не ставшего предметом тщательного научного рассмотрения.

Одной из важных композиционных претензий в рецензии Сторожева было указание на отсутствие «определенного плана» работы. Это замечание можно расценить как глубоко субъективное. Дело в том, что выработке плана и общей концепции отчета было посвящено множество заседаний комиссии. Впоследствии Блок составил перечень пунктов своего раздела, расписав основное содержание каждой из глав. Важность этого этапа работы под-

тверждает то, что в первых вариантах рукописи уже присутствуют подобные «фонарики-оглавления», сохранившиеся вплоть до книжной версии произведения.

Непропорционально много места, по мнению рецензента, Блок уделил А. Д. Протопопову, «очень преувеличивая роль последнего». Знакомство с архивом Пушкинского Дома, где сохранились материалы ЧСК, объясняет подобное внимание. Деятельность бывшего министра внутренних дел Протопопова была вынесена в особое производство и очень подробно анализировалась ЧСК, о чем свидетельствуют его протоколы допросов. Газеты пестрели домыслами и подозрениями в его связях с Германией, в покровительстве со стороны Бадмаева и Распутина, а также о его психологической неадекватности.

Когда среди сотрудников ЧСК распределяли обязанности, Блоку было поручено написать отдельный очерк об этом государственном служащем. В дневнике читаем: «21 июля. День довольно значительный. С утра во дворце заседание стенографической подкомиссии. <...> Ольденбург и председатель сказали мне несколько любезностей, и я принужден согласиться попробовать писать очерк о Протопопове, Муравьев сказал, что будет мне помогать. <...> ... материал интересен, и я испытаю силы над Протопоповым» [Блок 1963: 285–286].

В архиве Пушкинского Дома сохранились черновики под условным названием «Характеристики отдельных лиц, не вошедшие в окончательный текст. Протопопов». Как свидетельствуют черновые наброски несостоявшегося очерка, основу будущего текста о Протопопове должны были составить следующие материалы: протоколы допросов Протопопова от 21 марта, 14, 21 апреля; показания П. Н. Милюкова, страницы из дневника «Записки о верховной власти» Протопопова от 1917 г. В черновиках имеются немногочисленные наброски, обрисовывающие портрет и характер бывшего министра:

«Он принес к самому подножию трона всего себя (здесь и далее подчеркнуто А. А. Блоком – Е. К.), всю свою юркость, весь истерический клубок своих мыслей и чувств. Недаром есть намеки, что он [способен] готовился заменить Распутина. На него тоже “накатывало”. Этот зоркий в ме-

лочах, близорукий в общем, талантливый, но [<нереализованный>] неустроенный вольнолюбивый раб был действительно “роковым” человеком...»¹. Помимо характеристик Протопопова, вошедших в первую главу очерка, описанию его личности посвящено одно из приложений книжного варианта. Таким образом, роль Протопопова как в общественной жизни, так и в медийном пространстве, формирующем общественное мнение, была велика. Возможно, поэтому персонаж занял столько места в работе Блока. Через описание Протопопова создается типичный образ-символ эпохи: слабый профессионал, суетливый, жестокий, психологически неадекватный. Как вспоминал его подчиненный, бывший начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев: «Протопопов в управлении Министерством внутренних дел не имел ни служебного опыта, ни административного стажа, ни способностей и не хотел даже чему-нибудь научиться» [Глобачев 2009: 111].

Современной исследовательницей М. Л. Спивак доказана роль формулировок и характеристик, сделанных Протопоповым, повлиявших впоследствии на структуру и фактическое наполнение блоковского произведения [Спивак 2017].

Несмотря на отрицательные характеристики министра внутренних дел, рецензенты, вслед за Блоком, высоко оценивают роль департамента полиции. Так, Н. Н. и Сторожев упоминают в своих рецензиях отзыв Блока об этом подразделении: «единственно живой орган, который учитывал политическое положение и понимал, насколько опасна для расстроенного правительства организованная общественность» [Сторожев 1922: 243]. Оценивая второй раздел очерка – «Настроение общества и события накануне переворота», Сторожев отметил, что «значительную цену и большой интерес представляют выдержки из докладов с-петербургского охранного отделения, и их надо было, нисколько не стесняясь, привести целиком. Кто вообще знаком с докладами московского и с-петербургского охранных отделений 1914–1916 годов, тот ясно может представить себе

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 5. № 16. Л. 3–4.

всю цену этого первоисточника, правда, требующего жестокого критического анализа, но в значительной степени ничем незаменимого» [Сторожев 1922: 243]. Подобный посыл послужил стимулом для современных изысканий. Так, З. И. Перегудова обследовала как российские, так и зарубежные архивы в поисках обозначенных материалов, что легло в основу ее работ [Перегудова 2000; 2004], во многом уточняющих происшедшее в пореволюционную эпоху. Как удалось установить исследовательнице по материалам Бахметьевского архива, бывший начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев (1870–1941) в книге своих воспоминаний «Правда о русской революции...» [Глобачев 2009] неоднократно цитирует очерк А. Блока и следует заявленным им темам. Это говорит о том, что Блок, не всегда давая выходные данные использованных документов, приводил их в точности. Кроме того, подобное оперирование фактами из блоковского текста является дополнительной оценкой этого произведения.

Весомое композиционное замечание рецензента Сторожева касалось отсутствия даты и подписи телеграммы, помещенной в конце книги: Блок, «сказав, что бывший император был заключен в Царскосельском Александровском дворце, помещает адресованный на имя Николая II документ, который не датирован и неизвестно откуда взят, даже неизвестно, от кого исходит... и неизвестно, для чего приведен» [Сторожев 1922: 243–244].

Ответ на вопрос профессора-историка о неизвестном и недатированном документе находится в рукописи, где в виде машинописной вклейки приводится телеграмма с подписью: «Вашего Императорского Величества верноподданный граф Келлер»¹ и указанием даты: «6 марта была послана следующая телеграмма Царское село»².

Что касается упрека «неизвестно зачем приведен» этот документ, то для ответа на этот вопрос необходимо вчитаться в содержание телеграммы. В тексте ее говорилось о том, как «с тяжелым чувством ужаса и отчаяния выслушали чины конного корпуса Манифест Вашего Величества об отрече-

нии от Всероссийского престола и с негодованием и презрением отнеслись все чины корпуса к тем изменникам из войск, забывшим свой долг перед Царем, забывшим присягу, данную Богу, и присоединившимся к бунтовщикам»³.

Телеграмма Федора Артуровича Келлера привлекла внимание Блока не случайно. Ибо всего два подразделения после отречения Николая Второго открыто выразили сожаление и желание оставаться с ним при любом развитии событий. Когда граф Келлер получил известие об отречении, он находился на Юго-Западном фронте, возглавляя 3-й конный корпус. Перед выстроенным во фронт войском он объявил, что не верит тому, что Государь Император мог добровольно бросить армию и Россию. С одобрения однополчан Келлер отправил телеграмму царю. Николай II, находившийся под арестом, уже не узнал о существовании такого послания. Отказавшийся привести свои войска к присяге Временному правительству, Келлер перебрался в Киев, где при поддержке гетмана П. П. Скоропадского и с благословения А. И. Деникина стал активно формировать силы для реванша, но вскоре погиб от рук петлюровцев.

Автор телеграммы уверял Николая: «Только с Вами во главе возможно то единение русского народа... Только со своим Богом данным Царем Россия может быть велика, сильна и крепка и достигнуть мира, благоденствия и счастья». Но при этом было выражено удовлетворение созданием ответственного министерства ввиду того, что «груз, который до этого нес на своих плечах император Николай в одиночку, “непосилен для самого сильного человека”»⁴. Тем самым Блок убеждал читателя, что даже преданные монархисты разделяли идею ограничения монархии путем создания подотчетного Думе правительства. Эта вставленная в процессе работы над черновиком телеграмма имела значение как содержательное – добавлялась информация о неоднозначном восприятии отречения царя среди военных, так и художественное – повествование получало яркий заключительный аккорд. Блок закольцо-

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212. Л. 121/76.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

вывал сквозную мысль об очевидности причин революции «сверху». Об этом сюжетно-композиционном предназначении вставки Блок сообщает в рукописи припиской: «Не лишена интереса телеграмма графа Келлера, отправленная царю уже после отречения». Фраза перечеркнута красным карандашом, а рядом на полях этим же карандашом написано: «Это – в конец для эффекта»¹. То есть расположенная именно после известия об аресте царя, по мнению Блока, телеграмма играла роль сильного финала. Поэт считал подобную концовку выигрышной с художественной точки зрения, с чем Сторожев не согласился, написав, что «заканчивается книжка как-то странно, неожиданно... как будто выпущена в свет без надлежащего окончания... <...> Работа, вероятно, осталась незаконченной и в предисловии издателя должны были это точно оговорить» [Сторожев 1922: 243]. Возможно, если бы поэт мог сохранить имя отправителя и дату, окончание получилось бы более органичным. Но в 1921 г. имя Келлера упоминать было уже небезопасно, поскольку было известно, что до конца жизни он лелеял мечту о возвращении монархии военным путем.

Еще одним замечанием стала якобы «поспешность» написания очерка. На этот упрек есть документальные ответы. Так, в дневнике Блока зафиксированы даты работы над очерком «Последние дни старого режима»: с августа 1917 по апрель 1918 г. Правка второго варианта велась уже быстрее. Но в любом случае очерк вышел в свет через 4 года после начала работы непосредственно над текстом. Тщательность его проработки подтверждает плотность рукописной правки. Для примера взглянем на один из черновых отрывков, где зачеркнутое заключено в квадратные скобки, вписанное сверху, снизу или на полях – выделено курсивом. При этом дополнения сделаны разными карандашами, что говорит о том, что правка велась в разное время, т. е. поэт неоднократно возвращался к одному и тому же фрагменту.

«Как бы то ни было, операцию, первый период которой прошел [довольно] сравнительно безболезненно, [соверши-

лась] [<нрзб>] [факты которой описаны ниже], совершилась, [застав] *застигнув* [несколько] врасплох представителей обоих мнений и протекала в формах [несколько иных, чем ожидали люди] *неожиданно для представителей* разных слоев русского общества. [Внешние факты переворота описаны ниже]. Как [следует] *предполагается* [краткое описание] *очерк причин развития* болезни и краткая характеристика ее к моменту переворота.

Основной причиной *развития* болезни была война, которая третий год расшатывала обветшалый государственный организм, [и шаг за шаг] постепенно лишая его [творческих сил организма. Ближайшим поводом, ускорившим это развитие, был последний] *творческих сил: осенний призыв* [осенью] 1916 года [захвативший] захватил тринадцатый миллион землепашцев, ремесленников и всех прочих техников своего дела;» <...> Императрица, [которую] *которую иные находили умной и блестящей*, в сущности давно уже направлявшая волю царя и обладавшая твердым характером, была *всецело* под влиянием Распутина, *который звал ее Екатериной II*, и того «большого мистического настроения» особого рода, которое, по словам Протопопова, охватило всю царскую семью и совершенно [<нрзб>] отделило ее от внешнего мира. Самолюбивая женщина, «относившаяся к России, как к провинции мало культурной» [Наумов] и совмещавшая с этим [поклонение] *обожание* Распутина, *ставившего ее на поклоны*; женщина, воспитанная в английском духе [*кистинно консервативный человек*] (Протопопов) и молившаяся вместе с тем в «тайничках» Феодоровского Собора, – [последний год] действительно управляла Россией. «*Едва ли можно сохранить* самодержавие», – писал около нового года придворный историограф, генерал Дубенский, – «слишком появилась глубокая рознь [<нрзб>] русских интересов с интересами Александры Федоровны»².

Основные претензии к Блоку-историку касались отсутствия сведений о происхождении и местонахождении приводимых документов. Так, историк Андрей Николаевич Шебунин (1887–1942) в неопуб-

¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212. Л. 46.

² Там же. Л. 4, об.

ликованной рецензии, написанной ориентировочно в 1921 г., посетовал на «отсутствие указаний на источник... откуда приводится то или иное новое сообщение»¹. Высказывались сомнения в «абсолютной точности их передачи» [Сторожев 1922: 243]. Об этом же писал И. С. Книжник в историческом журнале «Красная летопись» за 1922: «Приходится лишь пожалеть, что в книжке не указан список всех документов, которыми автор пользовался» [Книжник 1922].

Сторожев, подробно проанализировавший все четыре раздела очерка, практически в каждом из них сделал замечание по поводу отсутствия точных сведений о приводимых документах. Особенно посетовал рецензент на этот недостаток в приложениях, которые, по его мнению, удачно дополняли содержание книги, посчитав их «до известной степени обесцененными тем, что автор лишил их определенности, не сообщив при каждом отдельном документе его местонахождение. Будь даны на этот счет точные сведения и будь расширены некоторые выдержки, книжка в значительной степени выиграла бы, сделавшись, можно сказать, незаменимым источником» [Сторожев 1922: 243].

В ответ на эти замечание можно высказать гипотезу, что Блок не был знаком с оригиналами, а работал с копиями, которые сохранились в материалах, переданных им в архив Пушкинского Дома. Рассмотрим первое приложение, которое содержит письмо великого князя Александра Михайловича к Николаю II. Неизвестно, был ли Блок знаком с подлинником этого документа, хранящегося сейчас в ГАФР, представляющего собой машинопись с правкой и автографом Николая II². В архиве Блока хранится машинописная копия письма. Можно предположить, что были сделаны копии для текущей работы сотрудников. Бывший сотрудник ЧСК В. М. Руднев вспоминал: «Мне, как лицу, командированному с правами судебного следователя, было предоставлено производство выемок, осмотров, допрос свидетелей и т. д. <...> мной были разобраны и осмотрены архивы Зимнего дворца, Царскосельского и Петергофского дворцов, а равно личная

переписка Государя, Императрицы, некоторых Великих Князей...» [Руднев 1922: 39]. Как видим, для работы с подлинниками требовался особый доступ. По всей видимости, публикацию письма великого князя Блок произвел именно с копии, а подлинник оставался в распоряжении комиссии, о чем говорит удостоверяющая ее запись: «С подлинником верно. Подпись»³.

Характерные отличия копии от подлинника были перенесены в текст книги, где имеются небольшие расхождения с подлинником – различия в знаках препинания, написании заглавных и строчных букв, нет обозначения зачеркнутых слов и пр. Например, в авторизованной машинописи первое же обращение «Дорогой Ники», вписанное черными чернилами, выделяется не запятой, как у Блока, а восклицательным знаком⁴. И подобных мелких расхождений с хранящимся в ГАФР письмом достаточно много. Это подтверждает, что Блок имел в распоряжении только копию. По сведению ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, доктора исторических наук Ю. Н. Емельянова, много лет погруженного в тему, причиной этого был особый порядок работы в ЧСК, которая «считалась секретной и оглашению не подлежала» [Емельянов 2012: 347].

К этому же типу замечаний – достоверности приводимых документов, – можно отнести упрек бывшего члена президиума ЧСК А. Ф. Романова, который уже из эмиграции писал: «Не знаю, что стало впоследствии с ценнейшими делами и документами Комиссии; слышал, что большевики захватили их и что Муравьев сдал стенографические записи показаний допрошенных Комиссией лиц на хранение, кажется, в Исторический музей в Москве. Будущий исследователь должен... отнестись к этим стенограммам с особой осторожностью... Они никем не подписывались, никому из допрашиваемых предъявлены не были и редактировались четырьмя литераторами, в числе которых был Блок, впоследствии певец большевизма, написавший гнусную поэму «Двенадцать»» [Романов 1922: 37]. Современные исследователи уделили много внимания этому замечанию.

¹ ИРЛИ. Ф. 98. Оп. 1. № 158. Л. 2.

² ГАФР. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1143. Л. 80–85.

³ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. № 212. Л. 152.

⁴ Там же. Л. 80.

Б. Ф. Ливчак разделила функциональную значимость документа в зависимости от целевой аудитории. «Надо различать оценку стенограмм допроса в ЧСК с позиций судебно-следственных и с позиций исторического исследования. Подпись допрашиваемого удостоверяет идентичность записанного действительно сказанному на допросе. Отсутствие ее лишает стенограмму допроса судебной доказательности (этой цели служил протокол допроса, подписанный следственным). Но и неподписанная стенограмма не утрачивает своего информационного значения для историка; достоверность же информации, содержащейся в ней, подписью отнюдь не удостоверяется, но проверяется сопоставлением с установленными фактами, с другими показаниями и т. д.» [Ливчак 1977: 112].

Е. В. Иванова уточняет, что «работа строилась таким образом, что редактор и не имел возможности внести в стенограмму содержательные изменения, фальсифицировать их» [Иванова 2012: 77]. Исследователь-историк Ю. Н. Емельянов возразил Романову по существу: «Автор передергивает несомненные факты. Он забыл отметить, что допрашиваемые были обязаны подписывать протокол допроса» [Емельянов 2012: 358]. И действительно, сотрудник ЧСК не мог не знать последовательности действий: по ходу допроса велась стенограмма допроса, потом ее правил редактор, после чего протокол отдавался на подпись. Подтверждением этому могут служить записи Блока, например 6 июля записано: «Протокол Курлова пишу я; потом иду к нему в камеру, прошу его подписать...» [Блок 1963: 275].

Кардинальным стало замечание профессора истории Сторожева, что обращение Блока к «моменту, история которого еще не изучена достаточно полно и не поддается простому описанию без анализа и суровой критики», было преждевременным [Сторожев 1922: 243]. Конечно, историку пристало делать выводы спустя время и осмыслять события в исторической ретроспективе, но очерк носил хроникально-документальный жанр, ценность которого заключается в соприсутствии событиям, поскольку именно современник может достоверно воссоздать происходящее.

До начала публикации в 1924 г. П. Е. Ще-

голевым материалов ЧСК в семи томах [Падение царского режима 1924–1927] блоковский очерк оставался единственной публикацией официальных материалов ЧСК. Эта работа стала важным этапом как в понимании Блоком исторического процесса, так и вобретении нового художественного опыта: «Ни в одном историческом труде нельзя найти более объемных, выпуклых, реально зримых психологических портретов тех, кто олицетворял рухнувший царский режим, чем в письмах, записных книжках и дневниках Блока. [...] Его слово будто лучом прожектора выхватывает из тьмы потонувшего мира тени прошлого и оживляет их перед нашим взором...» [Иоффе 1979: 180].

Своеобразной оценкой, свидетельствующей о влиянии блоковского очерка на общественное мнение, стало появление различных жанровых вариаций с использованием его материала. Это и упомынутая выше пьеса Щеголева и А. Толстого, беллетризирующая протокольные записи и газетные слухи, и воспоминания Глобачева, где бывший полицейский чин уважительно ссылается на документальные сведения очерка, а также пересказы, повторяющие канву блоковского очерка, как например, приближенное к просторечному сказу повествование М. Мишева «Последние дни царской власти», опубликованное в «Красной нови» [Мишев 1923]. Подобные адаптации книжного текста к устной культуре подтверждают беллетристическую продуктивность исходного текста и нуждаются в отдельном научном рассмотрении.

Таким образом, рецензии 1920-х годов, давая оценку блоковскому произведению, воссоздают дискуссионный контекст эпохи, обрисовывают условия существования писателя в переломную эпоху. Именно эти первые отзывы задали ракурс изучения блоковского очерка в разных направлениях – литературоведческом, социально-лингвистическом, историко-биографическом, юридическом. Эти отзывы не просто свидетельствуют о восприятии нового блоковского публицистическо-документального жанра его современниками, но также фиксируют зарождающиеся тенденции живого литературного процесса. «...Обращение поэтов к документам недавней истории наметило тенденцию к “литературе факта” в советской литературе

1920–30-х гг. и “документализму” (Ходасевич) литературы эмигрантской» [Барковская 2017: 135]. Было отмечено, что очерк Блока простимулировал развитие массовой беллетристической литературы.

Неоценим также вклад первых рецензентов в художественную интерпретацию произведения, сподвигающий исследователей XXI в. к новым разысканиям. Кроме

того, в критике 1920-х годов были отмечены признаки (пусть еще не сформулированные) смены социального доминирования через новый языковой стандарт. Рассмотренные отзывы современников Блока на его очерк «Последние дни императорской власти» стали неотъемлемой частью истории литературно-критического и научного освоения наследия А. А. Блока.

Источники

Блок, А. А. Последние дни старого режима / А. А. Блок // Архив русской революции : в 22 т. Т. 4. – Берлин : Слово, 1922. – С. 5–54.

Блок, А. А. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 7 / А. А. Блок. – М. ; Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1963. – 548 с.

Блок, А. А. Записные книжки. 1901–1920 / А. А. Блок. – М. : Художественная литература, 1965. – 664 с.

Блок, А. А. Последние дни старого режима / А. А. Блок // Былое. – 1919 <1920>. – № 15. – с. 3–50.

Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / под ред. П. Е. Щёголева : в 7-ми т. – М. ; Л. : Госиздат, 1924–1927.

Последние дни Императорской власти. По неизданным документам сост. Александр Блок. – Пг. : Алконост, 1921. – 168 с.

Архивные источники:

ИРЛИ. – Ф. 654. – Оп. 1. – № 212. – 174 лл.

ИРЛИ. – Ф. 654. – Оп. 5. – Ед. хр. 40. – Л. 65–66, 73.

ИРЛИ. – Ф. 654. – Оп. 5. – Ед. хр. – № 16. – Л. 1–30.

ИРЛИ. – Ф. 98. – Оп. 1. – № 158 Автограф (Шебунин А. Н. Рецензия на «Последние дни императорской власти». <1921>). – 8 л.

ГАРФ. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 1143. – Л. 80–85.

Литература

Алянский, С. М. Встречи с Александром Блоком / С. М. Алянский // Новый мир. – 1967. – № 6. – С. 159–207.

Барковская, Н. В. А. Блок и Г. Иванов о последних днях царской власти: поэт как историограф / Н. В. Барковская // Филология и культура. – 2017. – № 4 (50). – С. 127–136.

Глобачев, К. И. Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / К. И. Глобачев. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 519 с.

Горнфельд, А. Г. Новые словечки и старые слова / А. Г. Горнфельд. – Пг. : Колос, 1922. – 64 с.

Додонов, Б. Ф. Из истории публикации документов царской семьи в 1918–1920-е гг. / Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова, С. В. Мироненко // Отечественные архивы. – 2007. – № 1. – С. 3–18.

Емельянов, Ю. Н. Поэт Александр Блок и Чрезвычайная следственная комиссия 1917 г. / Ю. Н. Емельянов // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В. И. Буганова : сборник статей / отв. ред. Н. М. Рогожин. – М., 2012. – С. 344–365.

Жизнь искусства. – 1919. – № 316.

Иванов, В. В. Иприт / В. В. Иванов, В. Б. Шкловский. – М. : ГИЗ, 1925. – Вып. 9. – 45 с.

Иванова, Е. В. Александр Блок: последние годы жизни / Е. В. Иванова. – СПб. : Росток, 2012. – 608 с.

Иоффе, Г. З. А. Блок – историк крушения царизма / Г. З. Иоффе // История и историки: историографический ежегодник – 1979. – М. : Наука, 1982. – С. 176–195.

Книжник Ив. [Рец.] Последние дни императорской власти. По неизданным произведениям составил Александр Блок. Петербург. 1921. Изд. Алконост / Книжник И. С. // Красная летопись. – 1922. – № 2/3. – С. 445.

Короленко, В. Г. Падение царской власти (Речь простым людям о событиях в России) / В. Г. Короленко. – Пг. : Освобожденная Россия, 1917. – 32 с.

Лелевич, Г. «Последние дни императорской власти». По неизданным документам составил А. Блок. 168 стр. Изд. «Алконост». Петербург 1921 г. / Г. Лелевич // Пролетарская революция. – 1922. – № 5. – С. 287.

Ливчак, Б. Ф. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства глазами А. А. Блока / Б. Ф. Ливчак // Вопросы истории. – 1977. – № 2. – С. 111–123.

- Магомедова, Д. М. Газетные подтексты статьи А. Блока «Стихия и культура» / Д. М. Магомедова. – Текст : электронный // Шахматовский вестник: неперидическое изд. Гос. ист.-лит. и природ. музея-заповедника А. А. Блока / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Науч. совет «История мировой культуры», Блоковская комис. ; [редкол.: И. С. Приходько (отв. ред.) и др.]. – М. : Наука, 2010. – Вып. 10–11. – С. 11–18. – URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=234874> (дата обращения: 16.08.2023).
- Максимов, Д. Е. Поэзия и проза Ал. Блока / Д. Е. Максимов. – Л. : Советский писатель, 1981. – 528 с.
- Мишев, М. Последние дни царской власти: (с выписками из писем бывшей царицы к Николаю) / М. Мишев. – М. : Красная новь, 1923. – № 67. – 56 с.
- Н. Н. Архив русской революции, том IV / Н. Н. // Историк и современник. Историко-литературный сборник. – 1922. – № 1. – С. 314–315.
- Неизвестный фельетон Блока 1920 г. (творческая рукопись). Вступительная статья и публикация И. Е. Усок // Литературное наследство. Т. 92-5. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Книга 5. – М. : Наука, 1993. – С. 5–20.
- Перегудова, З. И. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1 / З. И. Перегудова. – М., 2004. – 512 с.
- Перегудова, З. И. Политический сыск России 1880–1917 / З. И. Перегудова. – М. : РОССПЭН, 2000. – 428 с.
- Письма А. Блока к К. И. Чуковскому и отрывки из дневника Чуковского / вступ. ст., публ. и коммент. Е. Ц. Чуковской // Александр Блок. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Т. 92 : в 4 кн. Кн. 2. – М. : Наука, 1981. – С. 232–272.
- Пришвин М. М. // Альманах «Феникс». – 1922. – Кн. 1. – С. 177–178.
- Романов, А. Ф. Император Николай II и его правительство (По материалам Чрезвычайной следственной комиссии) / А. Ф. Романов // Русская летопись. Кн. 2. – Париж : Изд. «Русского очага» в Париже, 1922. – С. 1–38.
- Руднев, В. М. Правда о русской царской семье / В. М. Руднев // Русская летопись. Кн. 2. – Париж : Издание «Русского очага» в Париже, 1922.
- С. Я. <Штрайх> // Жизнь искусства. – 1920. – № 574. 5 октября. – С. 4.
- Селищев, А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926) / А. М. Селищев. – М. : Работник просвещения, 1928. – 248 с.
- Спивак, М. Л. К вопросу об источниках характеристик в «Последних днях императорской власти» А. А. Блока: «Царь, императрица, Вырубова, Распутин» и «недружный... Совет министров» / М. Л. Спивак // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы: исследования и материалы, 1917–2017 : коллективная монография / В. В. Полонский, О. А. Богданова, Д. М. Магомедова [и др.] ; редакторы-составители: В. М. Введенская [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2017. – С. 113–129.
- Сторожев, В. Н. Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок. – Петербург: «Алконост», 1921 / В. Н. Сторожев // Печать и революция. – 1922. – № 1. – С. 243–244.
- Эйхенбаум, Б. М. Мой временник. Маршрут в бессмертие / Б. М. Эйхенбаум. – М. : Аграф, 2001. – 387 с.
- Яковлев, С. <Штрайх С. Я.>. Последние дни Николая II. Официальные документы. Рассказы очевидцев / С. Яковлев <С. Я. Штрайх>. – 2-е изд. – Петроград : Тип. бывш. К. Биркенфельд, 1917. – 32 с.
- Mazon, A. *Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914–1918)* / A. Mazon. – Paris : É. Champion, 1920. – 92 p.

References

- Alyansky, S. M. (1967). *Vstrechi s Aleksandrom Blokom* [Meetings with Alexander Blok]. In *Novyi mir*. No. 6, pp. 159–207.
- Barkovskaya, N. V. (2017). A. Blok i G. Ivanov o poslednikh dnyakh tsarskoi vlasti: poet kak istoriograf [A. Blok and G. Ivanov about the Last Days of Tsarist Power: He Sings Like a Historiographer]. In *Filologiya i kultura*. No. 4 (50), pp. 27–136.
- Dodonov, V. F., Kopylova, O. N., Mironenko, P. V. (2007). Iz istorii publikatsii dokumentov tsarskoi sem'i v 1918–1920-e gg. [From the History of the Publication of Documents of the Royal Family in the 1918–1920s]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 1, pp. 3–18.
- Eikhnenbaum, B. M. (2001). *Moi vremennik. Marshrut v bessmertie* [My Temporary One. Route to Immortality]. Moscow, Agraf. 387 p.
- Emelyanov, Yu. N. (2012). Poet Aleksandr Blok i Chrezvychainaya sledstvennaya komissiya 1917 g. [Poet Alexander Blok and the Extraordinary Commission of Inquiry 1917]. In Rogozhin, N. M. (Ed.). *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)*. K 80-letiyu chlena-korrespondenta RAN V. I. Buganova: sbornik statei. Moscow, pp. 344–365.

- Globachev, K. I. (2009). *Pravda o russkoi revolyutsii: vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* [The Truth about the Russian Revolution: Memoirs of the Former Head of the Petrograd Security Department]. Moscow, ROSSPEN. 519 p.
- Gornfeld, A. G. (1922). *Novye slovechki i starye slova* [New Words and Old Words]. Pg., Kolos. 64 p.
- Ioffe, G. Z. (1982). A. Blok – istorik krusheniya tsarizma [A. Blok is Historian of the Collapse of Tsarism]. In *Istoriya i istoriki: istoriograficheskii ezhegodnik – 1979*. Moscow, Nauka, pp. 176–195.
- Ivanov, V. V., Shklovsky, V. B. (1925). *Iprit* [Iprit]. Moscow, GIZ. Issue 9. 45 p.
- Ivanova, E. V. (2012). *Aleksandr Blok: poslednie gody zhizni* [Alexander Blok: Last Years of Life]. Saint Petersburg, Rostok. 608 p.
- Knizhnik Iv. [Rets.:]. (1922). *Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym proizvedeniyam sostavil Aleksandr Blok*. Peterburg. 1921. Izd. Alkonost [The Last Days of Imperial Power. Compiled from Unpublished Works by Alexander Blok. Petersburg. 1921. Publ. Alkonost]. In *Krasnaya letopis'*. No. 2/3, p. 445.
- Korolenko, V. G. (1917). *Padenie tsarskoi vlasti (Rech' prostym lyudyam o sobytiyakh v Rossii)* [The Fall of Tsarist Power (Speech to Ordinary People about Events in Russia)]. Pg., Osvobozhdenaya Rossiya. 32 p.
- Lelevich, G. (1922). «Poslednie dni imperatorskoi vlasti». Po neizdannym dokumentam sostavil A. Blok. 168 str. Izd. «Alkonost». Peterburg 1921 g. [“The Last Days of Imperial Power”. Based on Unpublished Documents, Compiled by A. Blok. 168 pp. Publ. “Alkonost”. St. Petersburg 1921]. In *Proletarskaya revolyutsiya*. No. 5, p. 287.
- Livchak, B. F. (1977). Chrezvychainaya sledstvennaya komissiya Vremennogo pravitel'stva glazami A. A. Bloka [The Extraordinary Commission of Inquiry of the Provisional Government through the Eyes of A. A. Blok]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 111–123.
- Magomedova, D. M. (2010). Gazetnye podteksty stat'i A. Bloka «Stikhiya i kul'tura» [Newspaper Implications of A. Blok's Article “Element and Culture”]. In Prikhodko I. S. et al. (Eds.). *Shakhmatovskii vestnik: neperiodicheskoe izd. Gos. ist.-lit. i prirod. muzeya-zapovednika A. A. Bloka*. Moscow, Nauka. Issue 10–11, pp. 11–18. URL: <https://www.openrepository.ru/article?id=234874> (mode of access: 16.08.2023).
- Maksimov, D. E. (1981). *Poeziya i proza Al. Bloka* [Poetry and Prose Al. Blok]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 528 p.
- Mazon, A. (1920). *Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914–1918)*. Paris, É. Champion. 92 p.
- Mishev, M. (1923). *Poslednie dni tsarskoi vlasti: (s vypiskami iz pisem byvshei tsaritsy k Nikolayu)* [The Last Days of Royal Power: (With Extracts from the Letters of the Former Queen to Nicholas)]. Moscow, Krasnaya nov'. No. 67. 56 p.
- N. N. (1922). Arkhiv russkoi revolyutsii, tom IV [Archive of the Russian Revolution, volume IV]. In *Istoriik i sovremennik. Istoriko-literaturnyi sbornik*. No. 1, pp. 314–315.
- Neizvestnyi fel'eton Bloka 1920 g. (tvorcheskaya rukopis'). Vstupitel'naya stat'ya i publikatsiya I. E. Usok [Unknown Blok's Feleton 1920 (Creative Manuscript). Introductory Article and Publication by I. E. Usok]. In *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 92-5. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya. Book 5. Moscow, Nauka, pp. 5–20.
- Peregudova, Z. I. (2000). *Politicheskii sysk Rossii 1880–1917* [Political Investigation of Russia 1880–1917]. Moscow, ROSSPEN. 428 p.
- Peregudova, Z. I. (2004). «Okhranka»: *Vospominaniya rukovoditelei okhrannykh otdelenii* [“Okhranka”: Memoirs of the Heads of Security Departments]. Vol. 1. Moscow. 512 p.
- Pis'ma A. Bloka k K. I. Chukovskomu i otryvki iz dnevnika Chukovskogo [Letter from A. Blok to K. I. Chukovsky and Excerpts from Chukovsky's Diary]. (1981). In *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya. Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 92, in 4 books. Book 2. Moscow, Nauka, pp. 232–272.
- Prishvin M. M. [Prishvin M. M.]. (1922). In *Al'manakh «Feniks»*. Book 1, pp. 177–178.
- Romanov, A. F. (1922). *Imperator Nikolai II i ego pravitel'stvo (Po materialam Chrezvychainoi sledstvennoi komissii)* [Emperor Nicholas II and His Government (Based on Materials of the Extraordinary Commission of Inquiry)]. In *Russkaya letopis'*. Book 2. Paris, Izdatel'stvo «Russkogo ochaga» v Parizhe, pp. 1–38.
- Rudnev, V. M. (1922). *Pravda o russkoi tsarskoi sem'e* [The Truth about the Russian Royal Family]. In *Russkaya letopis'*. Book 2. Paris, Izdanie «Russkogo ochaga» v Parizhe.
- S. Ya. <Shtraikh> [S. Ya. <Shtraikh>]. (1920). In *Zhizn' iskusstva*. No. 574. October 5, p. 4.
- Selishchev, A. M. (1928). *Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917–1926)* [The Language of the Revolutionary Era: From Observations of the Russian Language in Recent Years (1917–1926)]. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya. 248 p.
- Spivak, M. L. (2017). K voprosu ob istochnikakh kharakteristik v «Poslednikh dnyakh imperatorskoi vlasti» A. A. Bloka: «Tsar', imperatritsa, Vyrubova, Rasputin» i «nedruzhnii... Sovet ministrov» [On the Question of the Sources of Characteristics in “The Last Days of Imperial Power” by A. A. Blok: “Tsar, Empress, Vyrubova, Rasputin” and “Unfriendly... Council of Ministers”]. In Polonsky, V. V., Bogdanova, O. A., Magomedova, D. M. et al. *Perelom 1917 goda: revolyutsionnyi kontekst russkoi literatury: issledovaniya i materialy, 1917–2017: kollektivnaya monografiya*. Moscow, IMLI RAN, pp. 113–129.

Storozhev, V. N. (1922). *Poslednie dni imperatorskoi vlasti. Po neizdannym dokumentam sostavil Aleksandr Blok.* – Peterburg: «Alkonost», 1921 [The Last Days of Imperial Power. Based on Unpublished Documents, Compiled by Alexander Blok. – St. Petersburg: “Alkonost”, 1921]. In *Pechat' i revolyutsiya*. No. 1, pp. 243–244.

Yakovlev, S. <Shtraikh S. Ya.>. (1917). *Poslednie dni Nikolaya II. Ofitsial'nye dokumenty. Rasskazy ochevidtsev* [The Last Days of Nikolai I. Official Documents. Eyewitness Accounts]. 2nd edition. Petrograd, Tip. byvsh. K. Birkenfel'd. 32 p.

Zhizn' iskusstva [Life of art]. (1919). No. 316.

Данные об авторе

Колесникова Елена Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей литературы, ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.

E-mail: ekolesn@mail.ru.

Author's information

Kolesnikova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Leading Researcher of Department of Contemporary Literature, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Science (Saint Petersburg, Russia).

Дата поступления: 28.09.2023; дата публикации: 31.10.2023

Date of receipt: 28.09.2023; date of publication: 31.10.2023